

Даже если он знал, что в будущем Чу Хуншэн непременно станет богатым и знатным, добьётся больших успехов, и его вклад не будет иметь решающего значения.

Но, как говорится, делать или не делать — это его личное дело.

И вот они снова принялись за вонтоны. После нескольких ложек Чу Хуншэн вдруг заговорил:

— Я отношусь к тебе хорошо, потому что надеюсь делать добрые дела. Если мои родители... действительно есть в другом мире, я хочу, чтобы они жили немного лучше.

Услышав это, Сюэ Динъюань всё понял.

Это было просто доброе желание ребёнка...

Он кивнул, ничего не сказав.

Даже если Чу Хуншэн делал это ради своих родителей, выгодоприобретателем был он сам, и он не мог просто игнорировать это.

Но он также не хотел спорить с ним, потому что в любом случае действия говорили громче слов.

Они медленно доели вонтоны. Сейчас было не время обеда, и в маленьком заведении почти никого не было, поэтому они задержались там подольше, пока не пришёл староста деревни, и только тогда вышли.

Повозка медленно двигалась в сторону деревни. Сюэ Динъюань хотел было поговорить с Чу Хуншэном, но, как только они сели в телегу, тот начал дремать.

Староста, услышав, что сзади тихо, оглянулся и тихо сказал Сюэ Динъюаню:

— Хуншэн эти двое суток ухаживал за тобой днём и ночью, совсем вымотался!

Чувства Сюэ Динъюаня было трудно описать словами.

Никто никогда не относился к нему так хорошо. Ему казалось, что сердце словно окутано тёплой водой — уютно и мягко. Его взгляд на Чу Хуншэна стал намного нежнее. Увидев, что тот от дремоты кивнул и чуть не упал, он быстро протянул руку, чтобы поддержать его за плечо.

Чу Хуншэн действительно был очень уставшим. Даже если он всегда был крепким, за эти дни ухода за Сюэ Динъюанем он почти не смыкал глаз.

Поэтому, даже если движения Сюэ Динъюаня были не слишком мягкими, он не проснулся, а просто оперся на него, перейдя от дремоты в глубокий сон.

Сюэ Динъюань осторожно уложил Чу Хуншэна к себе на колени, надеясь, что тому будет удобнее спать.

Чу Хуншэн спал очень крепко, пока повозка не въехала в деревню и не остановилась у его дома.

Сюэ Динъюань слегка похлопал Чу Хуншэна:

— Давай, пойдём домой, там поспишь.

Чу Хуншэн мгновенно проснулся и, увидев, что лежит на коленях Сюэ Динъюаня, первым делом спросил:

— Я тебя не придавил? Нога не затекла?

— За такое короткое время? Не стоит беспокоиться.

Даже после такого ответа Чу Хуншэн всё равно пару раз помассировал ему ногу, убедившись, что она не затекла, и первым вышел из повозки, протянув руку, чтобы помочь Сюэ Динъюаню.

Сюэ Динъюань немного растерялся, но всё же положил руку в ладонь Чу Хуншэна.

Они вышли из телеги и поблагодарили старосту.

— О чём тут церемониться! — отмахнулся Чжан Фуцай, затем посмотрел на них и добавил:

— Я насчёт дела Динъюаня с вашим старшим братом поговорил. Он сказал, что может помочь вам прописку в одну книжку оформить. Только не знаю, согласны ли вы?

Для Сюэ Динъюаня это было огромной удачей, и он, конечно, согласился.

По дороге назад он даже планировал вернуться к Чжан Цуйлань, чтобы украсть домовую книгу — если бы она узнала, что он выздоровел, с её наглостью она могла бы устроить какой-нибудь скандал, поэтому лучше было бы украсть документы и уйти как можно скорее.

Но его взгляд упал на Чу Хуншэна, потому что он понимал, что староста хотел переписать его прописку в дом Чу Хуншэна. Если бы Чу Хуншэн не согласился...

Но Чу Хуншэн без колебаний кивнул:

— Дядя Чжан, подождите немного, я сейчас найду документы.

Через мгновение документы оказались в руках старосты, и Чу Хуншэн добавил:

— Дядя Чжан, мы останемся ещё на пару дней, пока Сюэ Динъюань не окрепнет. Как только прописка будет оформлена, мы уедем.

Староста сердито посмотрел на него:

— Ты что, будто я вас выгоняю? Живите, сколько захотите!

Сказав это, староста взял документы и уехал на повозке.

— Пойдём в дом! — позвал Чу Хуншэн Сюэ Динъюаня и первым вошёл внутрь.

Сюэ Динъюань последовал за ним, беспокоясь, что Чу Хуншэн сильно устал за эти дни:

— Ты бы отдохнул немного.

Чу Хуншэн действительно был немного уставшим. Посмотрев на время и увидев, что ещё рано, и дел больше нет, он постелил постель и решил немного поспать.

Он также постелил постель для Сюэ Динъюаня и позвал его:

— Ты тоже отдохни.

Сюэ Динъюань немного размял руки и ноги:

— Я слишком много лежал в последнее время, лучше пойду прогуляюсь, разомнусь.

Сказав это, он заметил, что Чу Хуншэн пристально смотрит на него, казалось, даже с лёгким гневом.

Сюэ Динъюань не понимал, чем его слова могли разозлить Чу Хуншэна, и лишь невинно смотрел на него, в голове мелькнула абсурдная мысль — а вдруг Чу Хуншэн боится спать один и поэтому «купил» его, чтобы он был рядом?

Эта мысль заставила его чуть не рассмеяться, но, подумав, он решил, что ничего страшного, у каждого есть свои странности.

Ну что ж, раз так, он просто составит ему компанию...

Как раз когда он начал всерьёз задумываться об этом, он услышал, как Чу Хуншэн заговорил:

— Ты ведь не собираешься возвращаться?

Эти слова немного озадачили Сюэ Динъюаня:

— Возвращаться? Куда?

Чу Хуншэн, услышав этот вопрос, казалось, был доволен:

— Не к Чжан Цуйлань — я не хочу ограничивать твою свободу. Когда документы будут готовы, я оформлю тебе паспорт, и ты сможешь идти куда захочешь!

Только тогда Сюэ Динъюань понял, что имел в виду Чу Хуншэн.

Неудивительно, что он так подумал, ведь раньше он был очень почтительным сыном, и, несмотря на то, как Чжан Цуйлань била и ругала его, он всегда думал, что ей тяжело одной растить двоих детей, особенно с учётом того, что его старший брат был не в себе. Если он не будет её поддерживать, кто тогда?

Поэтому он никогда не сопротивлялся и даже покрывал её.

Позже, когда он начал зарабатывать, он иногда чувствовал, что Чжан Цуйлань слишком предвзято к нему относится и не заботится о нём, но его старший брат хорошо к нему относился, и он уговаривал себя потерпеть.

До тех пор, пока перед операцией он не узнал... на самом деле, осознание того, что Чжан Цуйлань не была его родной матерью, не стало для него ударом. В конце концов, с самого детства он привык к такому обращению. Что действительно вызвало в нём ненависть, так это то, что Чжан Цуйлань была настолько злой, что буквально желала ему смерти.

Он всю жизнь терпел и работал как вол, и любой человек с хотя бы каплей человечности не смог бы поступить так.

Сюэ Динъюань покачал головой, отгоняя эти беспорядочные мысли.

Он не хотел слишком много вспоминать о прошлой жизни, лишь твёрдо решил, что в этой жизни он больше не допустит таких ошибок.

Он хотел сказать Чу Хуншэну, что точно не вернётся к Чжан Цуйлань, но, прежде чем он успел открыть рот, заметил, что Чу Хуншэн уже заснул.

Похоже, этот парень действительно вымотался.

Сюэ Динъюань не стал его беспокоить, а отправился на кухню, чтобы посмотреть, что там есть — живя в чужом доме, нужно быть внимательным. Он решил начать готовить ужин сам и начать заботиться о Чу Хуншэне.

Даже если бы он не жил в доме Чу Хуншэна, он чувствовал, что, будучи старше, должен был бы заботиться о нём.

В деревне у всех дома устроены примерно одинаково, поэтому Сюэ Динъюань быстро нашёл рисовую бочку, в которой было лишь жалкое количество риса. Он прикинул, что его хватит максимум на два приёма пищи.

Овощей же не было совсем.

В деревне у всех есть свои участки, но после того как мать Чу Хуншэна заболела, он ухаживал за ней, и их земля, скорее всего, заросла.

Подумав, он решил отправиться в горы. Сейчас была осень, сезон сбора грибов, и он мог найти что-нибудь съестное.

Сюэ Динъюань нашёл во дворе корзину из бамбука и отправился в горы.

По пути он встретил несколько знакомых деревенских жителей, вежливо поздоровавшись с каждым из них, называя их дядями и тётями.

Некоторые из них подошли к нему, и кто-то даже похлопал его по плечу:

— Ты совсем здоров стал?

Сюэ Динъюань улыбнулся и кивнул:

— Да, совсем выздоровел!

— Молодец, молодой организм, так быстро справился с болезнью.

— И хорошо, что Хуншэн отвёз тебя в больницу, у него доброе сердце, он не ошибётся в жизни.

— Ха-ха-ха, если бы Цяо Сань сейчас увидел тебя, наверное, сильно пожалел бы.

— Послушай, парень, я тебе скажу, ты больше не возвращайся домой, твоя мать — не человек, ты должен это понимать.

— Да, она продала тебя один раз, продаст и второй, будь осторожен!

Односельчане наперебой давали Сюэ Динъюаню советы.

<http://bllate.org/book/16745/1561583>